

В.Н. Григорьев

**РЕШЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В ДЕЛЕ «ЛЯЛЯКИН ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»:
БЫЛО ЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ?¹**

Анализ Постановления Европейского суда по правам человека от 12 марта 2015 г. по делу «Лялякин против Российской Федерации» позволил вскрыть искажение фактических обстоятельств происшедшего, чтобы «подтянуть» обращение с заявителем до минимального уровня суровости, позволяющего отнести его к сфере действия статьи 3 Конвенции и квалифицировать как пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение.

Ключевые слова: Европейский суд, дело «Лялякин против Российской Федерации», злоупотребление полномочиями, статья 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение.

12 марта 2015 года в Страсбурге Европейский суд по правам человека (Первая секция) вынес Постановление по делу «Лялякин против Российской Федерации» [1].

Дело было инициировано жалобой № 31305/09, поданной против Российской Федерации в Европейский суд по правам человека (далее – Европейский суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Российской Федерации Михаилом Александровичем Лялякиным (далее – Заявитель) 29 мая 2009 года.

Заявитель утверждал, что подвергся жестокому обращению во время военной службы и что власти не расследовали это происшествие.

Европейский суд, рассмотрев дело, пришел к выводу об обоснованности жалобы и постановил, в частности, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в части разведения заявителя 5 и 6 июня 2007 года (п. 2 Резолютивной части Постановления).

В разделе «Другие материалы» Постановления ЕСПЧ от 12 марта 2015 года «Дело «Лялякин (Lyalyakin) против Российской Федерации» указано Постановление ЕСПЧ от 24.04.2014 г. «Дело «Переведенцевы (Perevedentsevy) против Российской Федерации» (жалоба № 39583/05) [2] как содержащее краткий обзор относимых материалов относительно условий службы в Вооруженных Силах Российской Федерации (включая «дедовщину») (§ 60).

Сходные по предмету рассмотрения, а также по своим результатам, эти два постановления Европейского суда разительно отличаются по технологии обоснования выводов.

В Постановлении по делу «Переведенцевы против Российской Федерации» Европейский суд, не найдя серьезных процессуальных упущений, углубился в детали следственного процесса. В результате на обнаруженных отдельных достаточно спорных процессуальных недочётах и неустранённых неяс-

ностях более мелкого плана Суд построил вывод о нарушении требований статьи 2 Европейской конвенции, изменив своей же достаточно устоявшейся практике по рассмотрению жалоб, связанных с процессуальными требованиями статьи 2 Европейской конвенции по правам человека [3].

В Постановлении по делу «Лялякин против Российской Федерации» Европейский суд применил другой прием – не вдаваясь в действительные фактические обстоятельства происшедшего, а порой искажая их в угоду заранее заданному результату, голословно используя наработанные штампы, обосновал свое решение словесной эквилибристикой.

Обстоятельства дела. 14 декабря 2006 года призывная комиссия Московского района г. Нижнего Новгорода проверила состояние здоровья Заявителя. Признанный годным к военной службе, он был призван в армию. Его направили в учебную часть № 73864, расположенную в г. Коврове Владимирской области.

Через шесть месяцев Заявителю присвоили звание младшего сержанта и 28 мая 2007 года он был направлен в войсковую часть № 34605 в г. Волгограде Волгоградской области.

Заявитель утверждал, что личные отношения военнослужащих части были напряженными и насильственными, он поддался панике и решил бежать.

Первая попытка бегства была предпринята 4 июня 2007 года, когда заявитель и младший сержант В. бежали из части. Командование части начало операцию по розыску беглецов. Утром 5 июня 2007 года заместитель командира майор А. и капитан К. нашли и задержали Заявителя и младшего сержанта В. у близлежащего поселка Степной.

Как утверждает заявитель, на обратном пути в часть А. и К. угрожали их убить или утопить. Угрозы напугали Заявителя до такой степени, что он решил снова бежать. Во время остановки Заявитель сбежал. Вскоре после этого он был пойман на близлежащем болоте. Сопровождавшие его офицеры сняли с него одежду и посадили в кузов военного грузовика, который доставил обоих беглецов обратно в часть.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ, проект № 16-03-00413.

6 июня 2007 года Заявитель и В. были вызваны к командиру батальона Ч., который построил батальон. Заявитель и В. были поставлены раздетые перед строем военнослужащих. Командир батальона публично осудил их и объявил им выговор, приказав одеться.

После этого Заявителя вызвали в кабинет командира и велели написать объяснительную записку по поводу событий 4–6 июня 2007 года.

Третья попытка бегства, состоявшаяся 7 июня 2007 года, оказалась для Заявителя удачной. Когда надзор за ним был ослаблен, он сбежал и в этот раз добрался до своей семьи в Нижнем Новгороде.

Перипетии расследования предполагаемого жестокого обращения. 26 июня 2007 года Заявитель подал жалобу на жестокое обращение в Нижегородский областной комитет солдатских матерей, 27 июня 2007 года – в военную прокуратуру Нижегородского гарнизона. Он изложил версию предполагаемых событий, указав, что его сослуживцы Вл., Кац., Зай., Рыб., Мал. и Фед. могут подтвердить факты жестокого обращения и «неустановленных взаимоотношений».

Нижегородская прокуратура начала предварительную проверку и перевела Заявителя до окончания разбирательства в другую часть.

28 июня 2007 года была назначена психиатрическая экспертиза Заявителя, которая проводилась с 4 по 26 июля 2007 года в Нижегородской областной психоневрологической больнице № 1 им. П.П. Кащенко.

21 августа 2008 года военно-врачебная комиссия Нижегородского гарнизона диагностировала у Заявителя «расстройство личности эмоционально-неустойчивого типа с переменным улучшением, приобретенное на военной службе» и признала его «годным с ограничениями» к военной службе. На основании указанного диагноза Заявитель был досрочно комиссован из армии.

Тем временем Нижегородская прокуратура объединила проверку по жалобе Заявителя от 26 июня 2007 года с проверкой по аналогичной жалобе младшего сержанта В. от 1 июля 2007 года. Материалы были направлены для проверки в военную прокуратуру Волгоградского гарнизона.

16 июля 2007 года следователь Волгоградской прокуратуры отказал в возбуждении уголовного дела. В своем постановлении он сослался на показания предполагаемых виновных, включая командира батальона Ч., заместителя командира майора А., капитана К., лейтенанта С., капитана Кар., прапорщика Г. и младшего сержанта Ж., а также на показания других военнослужащих, которые были допрошены² в связи с утверждениями Заявителя.

Это 1 этап в производстве проверки по данному факту. Всего их было шесть. При содействии неправительственной правозащитной организации «Материнское право» Заявитель обжаловал постановление от 16 июля 2007 года в вышестоящем органе. И 20 сентября 2007 года военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа отменила постановление от 16 июля 2007 года об отказе в возбуждении уголовного дела (2 этап). 8 октября 2007 года с учетом новых и ранее полученных данных следователь отказал в возбуждении уголовного дела по жалобе Заявителя. 6 октября 2008 года оспариваемое постановление от 8 октября 2007 года было отменено Следственным комитетом при прокуратуре Волгоградского гарнизона (3 этап). 16 октября 2008 года на основе новых показаний и ранее полученных данных следователь отказал в возбуждении уголовного дела. 10 марта 2009 года оспариваемое постановление от 16 октября 2007 года было отменено вышестоящим следственным органом (4 этап). 20 марта 2009 года следственные органы вновь отказали в возбуждении уголовного дела. 26 января 2011 года вышестоящие следственные органы отменили постановление от 20 марта 2009 года (5 этап). Постановлением от 11 февраля 2011 года отказано в возбуждении уголовного дела. 23 марта 2011 года вышестоящие следственные органы вновь отменили постановление от 11 февраля 2011 года (6 этап). О дальнейшем развитии расследования материалы, представленные в Европейский суд, информации не содержат (§ 53).

Судя по приведенному в Постановлении Европейского суда подробному описанию перипетий и результатов предварительной проверки обстоятельств самовольного оставления Заявителем части (§ 29–53), все основные обстоятельства этого происшествия были выяснены с самого начала, а многочисленные отмены принятых по ее результатам решений вызваны общественной реакцией на это происшествие.

Предмет рассмотрения Европейского суда и доводы сторон. Заявитель пожаловался в Европейский суд на то, что военнослужащие его войсковой части подвергли его жестокому обращению и что власти не провели эффективного расследования по его жалобам на жестокое обращение (§ 61). Европейский суд рассмотрел эти жалобы на основании статьи 3 Конвенции, которая гласит: «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Что касается предполагаемого жестокого обращения, власти Российской Федерации сообщили, что офицеры, задержавшие Заявителя и В. после их попытки бегства, действительно приказали им снять одежду и остаться в одних трусах. Это было сделано, чтобы помешать им скрыться, а не для унижения. Когда они были доставлены в войсковую часть, их заставили стоять перед строем батальона в одних трусах, но в течение лишь ограниченного периода. Вскоре после этого командир приказал им одеться.

² Такая терминология используется в Постановлении Европейского суда. С учетом того, что уголовное дело не было возбуждено и процедуры проводились в рамках предварительной проверки, здесь и далее речь идет не о допросах, а о получении объяснений, не о расследовании, а о предварительной проверке, не о показаниях, а об объяснениях.

Со ссылкой на результаты предварительной проверки утверждений Заявителя власти Российской Федерации отметили, что оставшаяся часть версии о жестоком обращении была ложной. Они отмечали, что до самовольного отсутствия в июне 2007 года Заявитель не жаловался на жестокое обращение в его части в военную прокуратуру.

Заявитель настаивал на своей жалобе. Он указал, что его версия о жестоком обращении была подтверждена В. и Гал. Остальные военнослужащие дали ложные показания, поскольку были запуганы командованием части.

Общие принципы оценки предполагаемого жестокого обращения сформулированы в § 67–71 Постановления Европейского суда со ссылками на предыдущие свои решения.

В частности, Европейский суд напоминает, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она в абсолютных выражениях запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения жертвы. Для отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня суровости.

Оценка указанного минимального уровня является относительной и зависит от всех обстоятельств дела, таких, как длительность обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы. Кроме того, оценивая, является ли обращение «унижающим достоинство» в значении статьи 3 Конвенции, Европейский суд должен учитывать, являлось ли его целью оскорбление и унижение потерпевшего и оказывало ли оно с точки зрения последствий отрицательное влияние на его личность способом, несовместимым со статьей 3 Конвенции.

Европейский суд неоднократно подчеркивал, что испытываемые страдания и унижение в любом случае должны выходить за пределы неизбежного элемента страдания или унижения, связанного с применением данной формы правомерного обращения или наказания. Обязательная военная служба часто включает такой элемент, как и меры, связанные с лишением лица свободы. Однако многие действия, которые представляли бы собой унижающее достоинство или бесчеловечное обращение в отношении заключенных, могут не достигать уровня жестокого обращения, если имеют место в Вооруженных Силах, при условии, что они способствуют реализации особых задач Вооруженных Сил, к примеру, являясь частью боевой подготовки. Публичный характер обращения может быть значимым или усугубляющим фактором при оценке того, является ли оно «унижающим достоинство» в значении статьи 3 Конвенции.

Государство должно обеспечить, чтобы лицо проходило военную службу в условиях, совместимых с уважением его человеческого достоинства, чтобы процедуры и методы военной подготовки не

подвергали его душевным страданиям или лишениям, интенсивность которых превышает уровень тягот, неизбежно присущих военной дисциплине, и чтобы, принимая во внимание практические потребности военной службы, его здоровье и благополучие обеспечивались бы надлежащим образом.

Анализ соответствия Постановления Европейского суда (в части жестокого обращения с Заявителем) действительным обстоятельствам.

В эпизоде с раздеванием не все утверждения Европейского суда в части жестокого обращения с Заявителем, содержащиеся в § 80–82 Постановления, соответствует фактическим обстоятельствам, установленным самим же Европейским судом и изложенным в его Постановлении от 12 марта 2015 года. Как убеждает предпринятый анализ текста Постановления, порой суд заменяет действительные обстоятельства происшедшего домыслами, которым с помощью словесной эквилибристики придает «нужную» эмоциональную окраску.

Такой прием становится очевидным, если разложить всю ситуацию на отдельные элементы, существенные для оценки этой ситуации с точки зрения предмета разбирательства, среди которых следующие обстоятельства эпизода с раздеванием: 1) Было ли «раздевание»? 2) Какова степень и форма раздевания? 3) Сколько раз раздевали Заявителя? 4) Для чего раздевали Заявителя? Документально обоснованные, детальные ответы на эти вопросы позволяют объективно прояснить, что было на самом деле, и более предметно судить о том, было ли допущено в отношении Заявителя унижающее достоинство военнотрудового обращения.

1. *Было ли «раздевание»?* Сам факт раздевания является бесспорно установленным. Об этом утверждает Заявитель, это признается властями Российской Федерации. Этот факт лежит в основе позиции Европейского суда (§ 72–79). В связи со сказанным следует лишь обратить внимание на то, что категория «раздевание» в данном контексте отражает только объективный факт снятия одежды и не включает субъективную сторону – по чьей инициативе, чьими руками и в каком словесном или физическом сопровождении снималась одежда. Эти существенные детали происшедшего проясняются при ответах на следующие вопросы.

2. *Какова степень и форма раздевания?* Заявитель утверждал, что был раздет донага, а власти Российской Федерации настаивали на том, что он оставался в трусах.

Европейский суд отмечает, что с учетом субсидиарного характера своей функции он признает, что должен с осторожностью принимать обязанности суда первой инстанции, устанавливающего факты в тех случаях, когда это не является неизбежным при обстоятельствах конкретного дела. В настоящем деле он не склонен принимать утверждение Заявителя о том, что на обратном пути в войсковую часть в июне 2007 года он был раздет донага (см. § 13 и 14 Постановления), поскольку эта версия опровергнута

результатами расследования (см. § 33 и 34 Постановления), и Заявитель не предоставил доказательств противоположного, которые отвечали бы стандарту доказывания «вне всякого разумного сомнения» (§ 73).

В целом, по данному вопросу позиция Европейского суда представляется объективной и обоснованной. Следует однако дополнительно обратить внимание на такие бесспорно установленные факты, что Заявителю предложено было самому снять с себя одежду, и сделано это было не в сексуально-оскорбительной форме, а путем подачи одной из заурядных уставных команд по определению формы одежды, которая каждое утро звучит при построении военнослужащих на физическую зарядку: «Форма одежды номер один» (§ 34). Такая форма одежды предусмотрена в наставлениях по физической подготовке войсковых подразделений Российской Федерации (Министерства обороны, МВД, ФСБ и др.) и предполагает обычно в качестве одежды плавки, трусы, майку, спортивную обувь, по решению командира воинской части при соответствующих условиях разрешается заниматься без майки и обуви [4, 5].

Европейский суд не придал значения тому факту, что раздевание задержанного происходило путем приведения его формы одежды в один из уставных вариантов несмотря на то, что этот факт отражен в имевшихся в его распоряжении материалах и не был опровергнут. Причину такой позиции я вижу в стремлении выстроить такой ряд фактов (в данном случае путем умолчания об одном из них), которые в совокупности дали бы основание для вывода о том, что обращение с Заявителем достигло минимального уровня суровости, позволяющего отнести его к сфере действия статьи 3 Конвенции и квалифицировать как пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение.

3. *Сколько раз раздевали Заявителя?* Европейский суд занял по этому вопросу однозначную позицию: Заявитель оставался в трусах два раза, после безуспешной попытки бегства 5 июня 2007 года и на следующий день во время построения батальона (§ 76). В качестве обоснования такой позиции Суд сослался на обстоятельства, описанные в § 13, 14, 33 и 34 Постановления. Между тем обращение к соответствующим текстам свидетельствует о несоответствии позиции Европейского суда действительным обстоятельствам: Заявителю после повторной попытки убежать действительно было предложено снять верхнюю одежду и в таком виде («форма номер один») он был доставлен в войсковую часть и после построения личного состава выведен перед строем, однако никто его специально для выставления голым перед строем не раздевал, он просто оставался все это время одетым по форме номер один.

При обращении к содержанию параграфов Постановления, на которые Суд сослался в обоснование своей позиции, выясняется, что, в частности, в § 13 Постановления приводятся лишь обстоятельства раздевания при поимке после повторного побега

во время доставления Заявителя в войсковую часть, откуда он сбежал. В § 14 Постановления записано, что «Заявитель и В., предположительно раздетые догола, были поставлены перед другими военнослужащими». Но, во-первых, предположение о раздетости «догола» опроверг сам же Европейский суд (см. § 73). Что же касается смысла в целом, то данную фразу надо понимать не так, что Заявителя еще раз раздели перед построением, а что перед построением он не был одет и был поставлен перед строем в том, в чем оказался после задержания и доставления – в привычной для военнослужащих уставной «форме номер один». В § 33 и 34 Постановления воспроизводятся показания военнослужащих, в которых упоминается только один факт раздевания – после задержания при попытке повторного побега во время конвоирования Заявителя в войсковую часть. О других фактах раздевания, в частности перед выставлением беглецов перед строем военнослужащих, там нет ни слова.

Таким образом, позиция Европейского суда по вопросу о количестве раздеваний Заявителя во время его задержания, доставления в войсковую часть и представления наутро личному составу военнослужащих не соответствует установленным им же обстоятельствам, которые изложены в Постановлении Суда. Легким передергиванием фактов Суд слегка усилил отрицательное эмоциональное восприятие действий военнослужащих, отлавливавших беглеца. Для чего это потребовалось? Дело в том, что без такого факта явно недостаточно оснований для вывода, что обращение с Заявителем достигло минимального уровня суровости, позволяющего отнести его к сфере действия статьи 3 Конвенции.

4. *Для чего раздевали Заявителя?* К раздеванию беглецов (применению к ним уставной «формы одежды номер один») сопровождавшие офицеры прибегли после повторной (во время конвоирования) попытки Заявителя убежать. И объяснения военнослужащих, и объективные обстоятельства свидетельствуют об одной цели данной меры – воспрепятствовать их побегу в третий раз (§ 33, 34).

Следует обратить внимание, что Европейский суд в своих положениях о цели раздевания напрочь проигнорировал юридическую сущность действий, лежащую в основе всей рассматриваемой ситуации. Суть эта заключается в том, что Заявитель вместе с младшим сержантом В. совершили самовольное оставление части в целях уклонения от прохождения военной службы, совершенное группой лиц по предварительному сговору, то есть дезертирство при отягчающих обстоятельствах. В Российской Федерации такие действия признаются тяжким преступлением, за которое в соответствии с ч. 2 ст. 338 УК РФ предусмотрено уголовное наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет³. Стало быть, к

³ В период описываемых событий действовавшее тогда уголовное законодательство предусматривало за такие действия наказание в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет.

военнослужащему, совершившему побег во время конвоирования при задержании за совершение подобных действий, вполне правомерно применение мер, исключающих третью попытку сбежать. Не искушенные в полицейских приемах пресечения попыток побега, военнослужащие прибегли к одному из строевых приемов – предложили беглецу привести одежду в соответствии с уставной «формой номер один», то есть раздеться до трусов.

В этой связи не удивительно, что примененная к совершившим тяжкое преступление мера пресечения возможной попытки в третий раз сбежать в виде раздевания до трусов ни у кого не вызвала замечаний ни с точки зрения правомерности, ни с точки зрения возможной чрезмерности. В Постановлении Суда нет ни одного указания на это.

Но при таком стечении обстоятельств ситуация «уплывает» из желаемого русла: обращение с Заявителем здесь явно не достигает минимального уровня суровости, позволяющего отнести его к сфере действия статьи 3 Конвенции и квалифицировать как пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Вот тогда Европейский суд и вводит в оборот «второе раздевание» (§ 76), на котором и строится все обвинение в бесчеловечном или унижающем достоинство обращении.

Чтобы это «второе раздевание» воспринималось как реально существовавшее, Суд сопровождает его безосновательными предположениями («предположительно раздетые догола», «по-видимому, женщины там отсутствовали» – § 14) и иллюстрациями фактов пыток с раздеванием, установленных по другим делам (§ 75), а также утверждением, «что требование о том, чтобы Заявитель стоял перед строем в одних трусах, было выдвинуто после того, как Заявитель был взят под контроль после нескольких попыток скрыться» (§ 77). Однако подобных требований материалами дела не установлено – задержанный просто был выведен перед строем в том виде, как был доставлен. Приведенная словестная эквилибристика, приведенная в Постановлении Европейского суда, преследует, судя по всему, цель повысить «уровень суровости» обращения, чтобы дотянуть его до минимального уровня, позволяющего квалифицировать действия по статье 3 Конвенции как жестокое обращение.

Таким образом, предпринятый анализ текста Постановления от 12 марта 2015 года убеждает, что Европейский суд прибегает к искажению фактических обстоятельств происшедшего, установленных им же самим и изложенных в его Постановлении, а порой и замене действительных обстоятельств происшедшего некими домыслами с приданием им с помощью словесной эквилибристики «нужной» эмоциональной окраски, чтобы «подтянуть» обращение с Заявителем до минимального уровня суровости, позволяющего отнести его к сфере действия статьи 3 Конвенции (§ 67) и квалифицировать как пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение.

Оценка предположительно жестокого обращения с Заявителем с точки зрения минимального уровня суровости. Как отмечается в Постановлении, Европейский суд должен в первую очередь рассмотреть вопрос о том, достигло ли обращение с Заявителем порога статьи 3 Конвенции. В результате такого рассмотрения ряда обстоятельств, принятого в § 76–77 Постановления, Европейский суд находит, что раздевание и выставление Заявителя перед строем батальона имели следствием его унижение и что обращение достигло порога суровости статьи 3 Конвенции и составило унижающее достоинство обращение в значении этого конвенционного положения (§ 78).

Оценивая указанные положения и позицию Европейского суда в деле «Лялякин против Российской Федерации» в целом, заметим, что, во-первых, они базируются на частично не соответствующих действительности обстоятельствах, во-вторых, охватывают не все пороговые признаки жестокого обращения, сформулированные самим же Судом в § 68–70 Постановления, в-третьих, не содержат конкретного детального анализа отдельных таких признаков. Попытаемся восполнить отмеченные пробелы.

Европейский суд указывает в качестве пороговых признаков жестокого обращения: длительность обращения, его физические и психологические последствия, пол, возраст и состояние здоровья жертвы, являлось ли целью обращения оскорбление и унижение потерпевшего, оказывало ли оно с точки зрения последствий отрицательное влияние на его личность, выход испытываемых страданий и унижения за пределы неизбежного элемента страдания или унижения, связанного с применением данной формы правомерного обращения, публичный характер обращения, необходимость применения оспариваемой меры (§ 68–70).

В основе применимости указанных пороговых признаков к рассматриваемой ситуации лежит ответ на основной вопрос: было ли два раздевания, как пытается представить Европейский суд (одно с целью пресечения побега, а второе для унижения личного достоинства), или же одно, предпринятое после пресечения повторного побега с целью исключить третью попытку. О том, что было два раздевания, в представленных в Постановлении Суда материалах нет ни одного упоминания свидетелей, даже Заявитель об этом ни разу не сказал. Такие утверждения есть только в «авторских» высказываниях, идущих от имени Суда и не подкрепленных фактическими обстоятельствами дела.

В связи со сказанным выводы Европейского суда о достигнутой пороговых признаков жестокого обращения, использованные в его рассуждениях, в тех действительных обстоятельствах, которые наблюдались в реальности и отражены в материалах, использованных Судом в своем Постановлении, выглядят совершенно неубедительными.

Длительность обращения, его физические последствия – по поводу этого признака Суд сделал вывод о том, что «эпизод имел место в летнее время, продолжался недолго и окончился тем, что Заявителю и другому военнослужащему было приказано одеться» (§ 76). В Постановлении нет также ни одного упоминания о том, что Заявитель простудился или получил иное заболевание в результате переохлаждения или был травмирован вследствие отсутствия верхней одежды. Следовательно, по этому признаку обращение с Заявителем не достигло порогового уровня жестокости.

Психологические последствия обращения – в § 81 Постановления утверждается о том, что Европейский суд полагает, что вывод военно-врачебной комиссии Нижегородского гарнизона, которая диагностировала у Заявителя «расстройство личности эмоционально-неустойчивого типа с переменным улучшением, приобретенное на военной службе», является недостаточным для подкрепления утверждений Заявителя о наличии прослеживаемого вреда его личности. Следовательно, и по этому признаку обращение с Заявителем не достигло порогового уровня жестокости.

Пол – в тексте Постановления встречаются предположения и намеки о выставлении Заявителя перед строем в присутствии женщин (§ 14, 75), однако нет ни одного прямого утверждения и ни с одной из сторон не приведено ни одного такого факта. Не стал придумывать их в итоге и Европейский суд, чтобы подтянуть обращение с Заявителем до порогового уровня жестокости.

Возраст – по данному признаку Европейский суд занял однозначную позицию: «Тот факт, что Заявителю было 19 лет, усугублял примененное обращение» (§ 78). Однако при детальном анализе фактических обстоятельств данный признак не выглядит однозначно свидетельствующим о достижении обращения с Заявителем порогового уровня жестокости. В начале эпизода раздевания, когда пойманному при попытке скрыться во время конвоирования было в целях пресечения новых попыток сбежать снять верхнюю одежду, возраст имеет значение лишь как фактор, обуславливающий понимание ответственности взрослого человека за свои действия. В последней части эпизода с раздеванием, когда Заявитель стоял перед строем в трусах, возраст не имеет значения, так как объективно Заявитель предстал перед ровесниками в одной из строевых форм военной одежды, в которой ВСЕ ОНИ ТОЛЬКО ЧТО пребывали во время утренней зарядки. И если в этот момент Заявитель испытывал нравственные страдания, то отнюдь не из-за возраста и трусов, а по причине, мягко скажем, негативного отношения в российском обществе (включая военнослужащих срочной службы) к людям с такими нравственными установками, которое в равной мере проявлялось бы, предстань он перед ними хоть в смокинге.

Состояние здоровья жертвы – жертва на состояние здоровья, исходя из материалов Европейского суда, в связи с эпизодом задержания, сопровождавшегося раздеванием, не жаловалась.

Являлось ли целью обращения оскорбление и унижение потерпевшего – как выше обосновывалось, целью раздевания Заявителя была исключительно необходимость пресечь его попытки сбежать. Эта мера была применена только после второй его поимки. Когда Заявителя поймали первый раз, о приведении его одежды в соответствие с «формой номер один» речи не было. Оценка же Европейским судом как предпринятое с намерением унижить Заявителя раздевание его перед построением бесосновательна, так как такого раздевания в действительности не существовало. Заявитель просто был доставлен уже без верхней одежды, в таком виде и представлен военнослужащим. Если бы у него шла кровь, его бы без сомнения немедленно перевязали. Если бы у него шла пена изо рта, ему бы оказали необходимую первую помощь. А то что он оказался в трусах, не было чем-то из ряда вон выходящим, требующим немедленной реакции – это обычная для военнослужащих форма одежды, только не вполне своевременно принятая: утренняя зарядка уже закончилась, а построение объявлено очевидно не для спортивных занятий. Ну так и не с зарядки и не со спортивной площадки Заявитель был отконвоирован на построение, а с места тяжкого уголовного преступления, за которое ему грозил значительный срок.

Оказывало ли обращение с точки зрения последствий отрицательное влияние на личность – данный пороговый признак весьма неоднозначен в оценке. Публичное осуждение перед строем на большинство военнослужащих действует весьма эффективно в позитивную сторону, удерживая их в последующем от неправомерного поведения. Заявитель оказался не из таких. Однако вряд ли можно серьезно говорить о том, что последующая его преступная деятельность (он таки дезертировал) является следствием появления его перед строем в одежде по «форме номер один». Как видно из происшедшего, Заявитель и в одежде по «форме № 4» (повседневная, поясной ремень, ботинки (ботинки с высоким берцем), в головном уборе, без утепленной куртки) и без построения в последующем совершил уголовное преступление.

Выход испытываемых страданий и унижения за пределы неизбежного элемента страдания или унижения, связанного с применением данной формы правомерного обращения. Под «данной формой правомерного обращения» я понимаю объявление военнослужащему, задержанному за дезертирство, перед строем сослуживцев выговора (§ 14) при том, что он был поставлен перед строем в том виде, в котором доставлен поисковой группой. Понятно, что страдания Заявитель в этот момент испытывал, однако они по определению не могли выйти за пределы неизбежного элемента страдания в силу несоиз-

меримости страданий от выговора и от перспективы получить до 10 лет лишения свободы.

Публичный характер обращения – в Вооруженных Силах Российской Федерации вопросы, связанные с нарушением военнослужащими дисциплины, традиционно решаются публично, перед строем. Поэтому иной вариант развития событий в данной ситуации, предполагающий отсутствие публичности, – не в пользу Заявителя и соответственно позиции Европейского суда: он связан с привлечением Заявителя к уголовной ответственности за дезертирство. Тогда бы точно все было по-другому – постановление о привлечении в качестве обвиняемого предьявляется в штанах и не публично.

Необходимость применения оспариваемой меры – Европейский суд настойчиво утверждает, что «необходимость применения оспариваемой меры не была убедительно доказана» (§ 77). При этом в основе такой позиции лежит ложная посылка о том, «что требование о том, чтобы Заявитель стоял перед строем в одних трусах, было выдвинуто после того, как Заявитель был взят под контроль после нескольких попыток скрыться» (§ 77). Дело в том, что никакие приведенные в Постановлении материалы не говорят о том, что такое требование кто-то выдвигал. Автором данной формулировки является сам Европейский суд. Не имея для этого фактических оснований, он просто придумал ее для укрепления проводимой по делу своей позиции. В действительности же был первый побег Заявителя из войсковой части, потом второй побег во время его конвоирования после задержания и, наконец, третий побег, который увенчался успехом (§ 20). Когда Заявитель был задержан после первого побега, сопровождавшие его офицеры не были убеждены в необходимости

применения раздевания или каких-то иных мер с целью пресечению попыток вновь убежать и ограничили лишь наблюдением за задержанным Заявителем. Как показали последующие события, они оказались неправы: задержанный во время последующего доставления сбежал. После того как он вновь был пойман, сопровождавшие офицеры под влиянием объективных фактов изменили свою позицию и применили меры к пресечению попытки убежать (в третий раз) – была применена уставная «форма одежды номер один», которая должна была существенно осложнить попытку побега. В результате Заявитель был успешно доставлен в расположение своей части. Какие здесь могут быть сомнения в необходимости применения оспариваемой меры? Особенно после того, как на следующий день Заявитель, воспользовавшись лояльным отношением (к нему даже дисциплинарный арест не применили), в третий раз убежал.

Изложенные в Постановлении Европейского суда обстоятельства не оставляют места для сомнений в необходимости оспариваемой меры. Сомнения возникают, лишь если под «оспариваемой мерой» понимать «требование, чтобы Заявитель стоял перед строем в одних трусах» (§ 77). Однако фактически такого требования не существовало. Зачем Европейскому суду потребовалось фальсифицировать его, придумывать вопреки действительным обстоятельствам, в общем-то понятно: без такого требования принятое Постановление в части раздевания Заявителя становится неубедительным. Получается, что обвинение в жестоком обращении основано в результате злоупотребления правом на вменении действий, которых в реальности не было, с голословно приписанными этим действиям зловещими свойствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Постановление* ЕСПЧ от 12.03.2015 «Дело «Лялякин (Lyalyakin) против Российской Федерации» (жалоба № 31305/09) [рус., англ.] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 7. С. 108–120 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
2. *Постановление* ЕСПЧ от 24.04.2014 г. «Дело «Переведенцевы (Perevedentsevy) против Российской Федерации» (жалоба № 39583/05) // Прецеденты Европейского суда по правам человека: Электронное периодическое издание / учредитель ООО «Развитие правовых систем». 2014. № 4 (04). С. 47–71 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
3. Антонов А.Н., Григорьев В.Н. Решение Европейского суда по правам человека в деле Переведенцевы против России: новые тренды в старой позиции // Вопросы правоведения: Всероссийский научно-теоретический журнал. 2014. № 6(28). С. 219–242.
4. Приказ МВД РФ от 29.07.1996 г. № 412 (ред. от 20.05.2003) «Об утверждении Наставления по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
5. Приказ Министра обороны РФ от 21.04.2009 г. № 200 (ред. от 31.07.2013) «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации» // Российская газета. 10.07.2009. № 126.

DECISION OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS IN THE CASE “LYALYAKIN V. RUSSIA”: WAS THERE ABUSE OF POWER?

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 1(7), 29–36. DOI 10.17223/23088451/7/5

Grigorev Viktor N., Moscow Psychological and Social University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

Keywords: European Court of Justice, Lyalyakin v. Russia, abuse of authority, Article 3 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, torture or inhuman or degrading treatment.

The analysis of *Lyalyakin v. Russia* Judgment has allowed revealing the distortion of the factual circumstances of the incident for the treatment of the applicant to match the minimum level of severity, which allowed to consider it under Article 3 of the Convention and to qualify it as torture or inhuman or degrading treatment.

On March 12, 2015, the European Court of Human Rights delivered its judgment in the case *Lyalyakin v. Russia*. The applicant alleged that he had been ill-treated during his military service. The Court concluded about the merits of the complaint and held that there had been a violation of Article 3 of the Convention in terms of the applicant's undressing.

The accusation of ill-treatment is based on the imputation of actions as a result of abuse of the right, which did not happen in real life – the so-called second undressing of a detained deserter. After the second attempt to escape, the applicant was indeed asked to remove his outer clothing and, as such, he was taken to the military unit. After the lineup, he was brought up before the unit, but no one stripped him naked down the line.

Under these circumstances, the treatment of the applicant did not reach the minimum level of severity, which would allow considering it under Article 3 of the Convention. Then, the Court introduces the “second undressing” to base its charges of inhuman or degrading treatment.

To make this “second undressing” look like really existing, the Court accompanied it with groundless assumptions and examples of tortures with undressing from other cases as well as the statement that “the applicant was required to face the military unit wearing only underwear when he was brought under control after several attempts to escape”. However, no requirements of the kind are recorded in the case – the detainee was just brought before the line in the clothes he was wearing when delivered to his military unit by the search group of officers.

The analysis of the Judgment text shows that the European Court has distorted the facts that really happened for the sake of a predetermined result. The verbal gymnastics found in the Court's Judgment allowed increase the “level of severity” of the ill-treatment to qualify it as an abuse under Article 3 of the Convention.

REFERENCES

1. European Court of Human Rights. (2015) *Lyalyakin v. Russia Judgment of March 12, 2015 (Complaint № 31305/09)*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=435165>.
2. European Court of Human Rights. (2014) *Perevedentsev v. Russia Judgment of April 24, 2014 (Complaint № 39583/05)*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=400355>.
3. Antonov, A.N. & Grigorev, V.N. (2014) Reshenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka v dele Perevedentsev protiv Rossii: novye trendy v staroy pozitsii [Judgment of the European Court of Human Rights in *Perevedentsev v. Russia*: New trends in the old position]. *Voprosy pravovedeniya – Issues of Jurisprudence*. 6(28). pp. 219-242.
4. Russian Federation Ministry of Interior. (1996) *Order 412 of the Ministry of Interior of the Russian Federation of July 29, 1996 (as amended on May 20, 2003.) “On Approval of the Manual on the Physical Training of Police Officers”*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=356428>. (In Russian).
5. Russian Federation Ministry of Defense. (2009) The Minister of Defense Order 200 of April 21, 2009 (ed. of July 31, 2013) “Approval of the Manual on the Physical Training in the Armed Forces of the Russian Federation”. *Rossiyskaya gazeta*. 10th July 2009. (In Russian).